

нако Радищев отказывается видеть, как это было свойственно «провиденциальным» повестям, в такой внезапной перемене судьбы божественную волю. Для него зло — плод деятельности недобродетельного человека, лишенного совести.

Глава «Пешки» заканчивается следующими словами: «Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. <...> Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда, — но пред судию, не ведающим лицепрития, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратной твой рассудок изгнал из своего жилища, из сердца твоего <...> О! Если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедовал бы неукротимому судии своему, *совести* свои деяния. <...> Редки бы тогда стали губительствы, опустошения... и пр. и пр. и пр.» (С. 114). Светлый образ совести-наставницы оборачивается грозной совестью-судьей. В ранних редакциях последняя фраза заканчивалась так: «...редки бы тогда стали гибели и опустошения, коих причины сокрываются от нас в ночи неведения» (С. 305). Комментаторы отмечают: «Заменяв концовку патетической тирады словами „и пр. и пр. и пр.“, Радищев перевел ее в отчетливо иронический план, дабы отнять у читателя всякую возможность иллюзии, что „громоподобный глас“ совести может заговорить в тех, кого писатель раньше называл „зверьями алчными“, „пиявицами ненасытными“».⁴⁷ К этому можно добавить, что образ «причин, скрывающихся в ночи неведения» в литературе 1770—1780-х гг. неразрывно связан с представлением о непознаваемости Бога и особенно — путей провидения. Таким образом, указание на причины «гибелей и опустошений», «сокрытые от нас в ночи неведения», могло выглядеть как попытка объяснить их некоей высшей силой, в то время как важнейшей причиной, по мнению Радищева, как уже говорилось, является недобродетельное поведение человека. Снимая указание на непознаваемое провидение, допускающее существование зла на земле, Радищев переносит проблему в другую плоскость: зло объективно существует, и его причина — отсутствие совести.

В главе «Едрово» Радищев прямо отказывается от идеи провидения, заменяя его понятием «случай». Говоря об уродующей человека моде, путешественник замечает: «Мой любезный зять, плачь. Мать наша <...> уготовала за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и если оно не коснется дней твоя супруга, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилося, то благодари и его, коли хочешь» (С. 60—

---

⁴⁷ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. С. 235.